

«Мы часто изучали то, чего нет»

НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА ОТВЕЧАЕТ

АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АН СССР Е.
ЧЕЛЫШЕВ

"ОНС" Евгений Петрович, не так давно вы побывали в Индии, у вас свежи впечатления от поездки. Сейчас у нас, да и не только у нас, отмечается повышенный интерес к Востоку, к его духовной культуре. Не могли бы вы объяснить это явление, чем оно вызвано или спровоцировано. И еще, пользуясь случаем поздравить вас с получением премии Вивекананды, мы просим рассказать, кто он и чем знаменит?

Е. Ч. Свами Вивекананда — выдающийся индийский мыслитель, демократ-просветитель, религиозный реформатор (умер в возрасте 39 лет в 1902 году). Основал в Индии в 1897 г. Миссию Рамакришны, названную именем учителя. Миссия представляет собой своеобразный монашеский орден и имеет множество отделений в стране и за рубежом. Она занята прежде всего благотворительной просветительской деятельностью, проводит большую общественно-культурную работу, главным образом через Институт культуры. Институт функционирует при Миссии в Калькутте и занимается научной и издательской деятельностью. Большой популярностью, например, пользуется изданный Институтом многотомный фундаментальный труд «Культурное наследие Индии». К сожалению, в нашей стране он известен лишь узкому кругу специалистов.

Главная задача Миссии — популяризация учения Свами Вивекананды и Рамакришны в Индии и за рубежом. «Если вы хотите знать Индию, читайте Свами Вивекананду» — говорил Рабиндранат Тагор. Вивекананда показал, каким огромным гуманистическим потенциалом обладает духовная культура Индии, наполнил сердца соотечественников чувством гордости за великое прошлое, способствовал пробуждению в Индии патриотических настроений, подъему национального самосознания. Это была выдающаяся личность. У нас на него впервые обратил внимание Л. Толстой.

Мне посчастливилось быть первым из советских индологов, которые установили контакт с Миссией Рамакришны. В 1957 г., будучи в Индии, я впервые познакомился с ее деятельностью. Свами Ранганатханандана — известный философ и мыслитель, бывший в 50—60-е годы настоятелем Миссии в Дели и Калькутте, помог мне ощутить красоту и величие вечных духовных ценностей Индии, на собственном опыте убедиться в том, какое благотворное влияние оказывают они на каждого, кто обращается к ним, в том числе и на человека из другого мира, наивно верившего тогда, что лишь мы обладаем монополией на истину.

Миссия Рамакришны пытается восстановить и сохранить в обществе те направления духовной культуры, нравственности, которые у нас давно

утрачены: милосердие, бескорыстное служение людям, благотворительность. С Миссией была тесно связана Индира Ганди, высоко оценил ее деятельность Джавахарлал Неру. В различных частях земного шара Миссия имеет много филиалов, больше всего в США. в конце прошлого века был единственным индусом, который участвовал во Всемирном конгрессе религиозных деятелей в Чикаго. Его поездка на Запад была триумфальной. Для публики Америки и Европы это было откровением. Он посвятил ее в тайны индийской духовной культуры.

В 1963 г. в Индии вышел мемориальный том, посвященный столетию со дня рождения Свами Вивекананды, с предисловием бывшего президента Индии Сарвепалли Радхакришнана. В нем была опубликована и моя статья, где я впервые попытался показать, что мы думаем о Вивекананде, как представляем себе этические, философские, нравственные и социальные концепции этого мыслителя. Миссия Рамакришны стала для меня родным и близким местом в Индии. Многие наши индологи — А. Литман, Р. Рыбаков, В. Костюченко, А. Ткачева, Э. Комаров, А. Гнатюк-Данильчук, О. Мезенцева, И. Челышева — занялись исследованием индийской духовной культуры. В 1988 г. Институтом культуры при Миссии Рамакришны в Калькутте был выпущен в свет на английском языке сборник «Изучение Свами Вивекананды в СССР». Я подготовил эту книгу и написал предисловие. В книге представлены статьи всех вышеупомянутых индологов.

Такие индийские мыслители, как Вивекананда, сыграли большую роль в духовном возрождении Индии, в индийском Ренессансе конца XIX — начала XX в., который очень близок нашему духовному возрождению, что проявляется особенно ярко, когда мы обращаемся к работам Вл. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова, П. Флоренского и многих других. Что же в них общего со взглядами индийских философов? Это прежде всего концентрация внимания на человеке как центре Вселенной, на общих моральных ценностях, свойственных всем религиям, на моральном совершенствовании человека и т. д. Поэтому-то индийцы с особым интересом воспринимают сравнительные исследования русского религиозного возрождения и взглядов Вивекананды и его учителя Рамакришны Парамахансы.

На празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. был приглашен Свами Локешварананда — нынешний руководитель Миссии Рамакришны и директор Института культуры в Калькутте. Он был единственным представителем индуистской церкви. На торжественном заседании, проходившем в Большом театре, он сидел в президиуме, и я невольно вспомнил тогда Свами Вивекананду, единственного индуса в президиуме Всемирного конгресса религиозных деятелей в Чикаго. Как бы соединились две духовности: христианства и индуизма. У нас вышла тогда в свет брошюра «Духовная культура во взаимосвязанном мире», основанная на беседе Свами Локешварананды с бывшим тогда митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием, ставшим затем патриархом Московским и Всея Руси. Участвуя в беседе, я попытался направить ее в русло обсуждения роли религии в современном мире, найти точки соприкосновения между христианством и индуизмом. Брошюра эта в торжественной обстановке была представлена затем на собрании индийской общественности в Миссии Рамакришны в Калькутте.

Мы говорим сегодня о возрождении духовной культуры, о религиозном возрождении в нашей стране, об обращении к религии широких слоев населения, об увлечении обрядовой стороной религии, растущем интересе к религиозно-философской литературе. Для многих религия вновь становится прибежищем духа, истомленного противоречиями жизни, гарантом стабильности неустойчивого бытия, утешением и спасением в мире со-

циального, экономического, политического и интеллектуального разлада и распада. Растущий интерес как к отечественному, так и зарубежному духовному наследию, к индийскому прежде всего, объясняется общей усталостью, а также бесплодной схоластикой, догматизмом, начетничеством творений наших официальных философов. Благодаря их усилиям мы надолго оказались в атмосфере бездуховности, истосковались по мудрой мысли и живому слову. Слишком долго в нашей стране бушевала разрушительная стихия насилия и жестокости. Поэтому люди и тянутся к исследователям индийской духовной культуры, к ее носителям, интересуются, задают массу вопросов о роли человека, его призвании, о жизни и смерти, о том, как нам выйти из духовного тупика.

«ОНС» Евгений Петрович, сейчас появляется масса книг по восточной тематике. Раньше они выходили редко, но отличались высоким научным уровнем: параллельные тексты (на русском и языке оригинала) сопровождалась подробным научным комментарием. Нынешние же издания зачастую весьма сомнительного качества. Может ли поток этой «кооперативной» литературы удовлетворить глубокий интерес к Востоку?

Е. Ч. Вопрос, который вы задали, чрезвычайно важный, и однозначно ответить на него нельзя. Конечно, огромный интерес к «восточной мудрости», восточной духовности наши ученые удовлетворить не могут. Готовящиеся ими издания, как правило, рассчитаны на специалистов, поэтому труднодоступны для понимания. И то, что инициативу перехватывают популяризаторы, публицисты, с одной стороны, хорошо, это как-то возбуждает интерес, но, с другой — здесь, конечно, очень много непрофессионального: «восточная мудрость», пройдя сквозь призму восприятия доморощенных интерпретаторов, приобретает иное свойство, ложное толкование.

Люди, увлеченные мистической стороной восточной культуры, часто пытаются представить ее как единственное, что может спасти мир, человечество. На волне такого рода спекуляций появляются доморощенные гуру, учителя, наставники, которые иногда дезориентируют своих учеников, в искаженном свете представляют восточную культуру. Поэтому наша задача, задача общества Свами Вивекананды, которое мы создали в 1988 г., — привлечь наших ученых, представителей индийской духовной культуры к ее популяризации в нашей стране.

«ОНС» А что вы можете порекомендовать печатать по Востоку для просвещения граждан? Может ли наш журнал способствовать этому?

Е. Ч. Я полагаю, что одна из задач журлала — обращение к тем областям нашего гуманитарного знания, которые раньше были табуированы. Не только к вопросам, скажем, конвергенции, слияния социализма с капитализмом, которые отвергались идеологически, но и к особенностям духовной культуры, религиозного мышления. В течение длительного времени любые попытки проникнуть в загадочные явления психики человека у нас рассматривались как отказ от материализма, как уступка оккультизму и мистике. В то же время за рубежом давно ведется научная работа в этом направлении, существует более ста кафедр парапсихологии, накоплен большой экспериментальный материал, появляются приборы для исследования биополя и т. д. Не окажемся ли мы снова в таком же положении, как в свое время с генетикой?

Мне представляется, что этим надо заниматься ученым, а не отдавать на откуп различного рода свободным интерпретаторам, спекулянтам, экстрасенсам, зачастую шарлатанам, пытающимся представить себя чуть ли не религиозными наставниками, поводырями. Почему сейчас это

вызывает обостренный интерес? Да потому, что человек и у нас, и за рубежом во многом разочарован. У нас — официальной идеологией, там — узким прагматизмом, и люди жаждут чего-то нового для своего духовного оздоровления, поэтому тянутся к духовности восточной, которая существует многие тысячелетия и которая родила великую культуру, в том числе науку о человеке. И мне представляется, что психологам, философам, антропологам и ученым других специальностей следует не отмежевываться, не отгораживаться от пока что непонятых явлений природы и человека, а попытаться разобраться во всем этом с научной точки зрения. Видимо, к этой работе следует привлекать зарубежных ученых. Почему бы не организовать научную дискуссию с индийскими астрологами, парапсихологами. Я бы хотел, чтобы публикации в вашем журнале касались именно проблемы человека, его духовности, внутреннего мира, непознанных, не раскрытых, загадочных явлений человеческой психики, с попытками объяснить эти явления и с помощью «восточной мудрости».

«ОНО Евгений Петрович, известно, что вы налаживаете сотрудничество с зарубежной русской диаспорой, которая в основном сосредоточилась на Западе. А как это связано с вашим профессиональным интересом к Востоку?»

Е. Ч. Мы сейчас начали работу по программе Российское (русское) зарубежье в контексте мировой культуры, одним из инициаторов которой я являюсь. Мне в связи с этим приходится выезжать за рубеж и устанавливать контакты с зарубежными советологами и нашими соотечественниками. Причем не только на Западе, но и на Востоке, в частности в Харбине, в Токио, Шанхае и т. д. Дело это нелегкое. Некоторые из них до сего времени не могут забыть, как у нас их прорабатывали, отлучали, поучали и т. д.

В прошлом году я встречался в Париже с Рене Герра — французским ученым, посвятившим свою жизнь изучению отторгнутой от нас русской культуры. Он собрал уникальную коллекцию произведений русских писателей, вынужденно покинувших Родину, их письма, автографы, картины русских художников-эмигрантов и т. д. В свое время он бывал в нашей стране, хорошо владеет русским языком. Однако предмет его исследования в недалеком прошлом был под запретом, а сам автор попал в «черный список» антисоветчиков, особенно после того, как его «разоблачил» С. Цвигун в своей книге «Тайный фронт» (о подрывной деятельности империализма против СССР и бдительности советских людей), вышедшей у нас в 1973 году. Много пришлось перенести французскому ученому, незаслуженно оскорбленному. И никто не принес ему хотя бы извинения. Мы не можем обойтись без сотрудничества с такими людьми и должны сделать все для того, чтобы они поверили нам и превратились из искусственно созданных «недрузей» в друзей и коллег.

Когда я увидел у Р. Герра богатейшую коллекцию неизвестных нам писем И. Бунина, И. Шмелева, М. Горького, других русских писателей, в которых они выражали свои идеи, мысли, увидел никогда не публиковавшиеся у нас работы Н. Бердяева, иных философов, я лучше осознал, как наша русская культура близка по своим истокам к восточной духовности. Особенно подчеркивается это у Н. Рериха. Л. Толстой в свое время поставил вопрос о необходимости широкого ознакомления русской общественности с духовной культурой Востока. После его смерти оборвалась эта линия: первая мировая война, революция, гражданская война, а затем... все это было предано забвению.

Мне представляется, что объединение попыток исследовать нашу русскую духовность совместно с восточной, которые имеют очень много

близкого, пересекающегося, взаимодополняющего, чрезвычайно полезно и важно. Меня очень интересует эта проблема объединения поисков общих истоков, общих корней, которые могли бы помочь нам в восстановлении нравственности, духовной культуры, в обновлении нашего общества, даже в исследованиях человека в его сложных взаимосвязях с окружающим миром, гораздо более сложных, чем представлялось это раньше. Когда мы глубже проникнем в тайны бытия человека, может быть тогда и оправдаются слова шекспировского Гамлета о том, что в мире есть вещи, которые и не снились нашим мудрецам.

Взаимосвязь русской и восточной духовности — это один аспект проблемы. Меня волнуют также и И. Бунин, и Д. Мережковский как таковые, и евразийцы С. Трубецкой, Н. Данилевский, П. Савицкий, П. Флоровский; все, что писали они, для нас очень важно сейчас. Я привез из Парижа много ксерокопий их работ. Одна из них — «Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», сборник, изданный в 1921 г. в Софии. Идея единства народов, населяющих Россию, красной нитью проходящая через все статьи этой книги, особенно важна и актуальна сегодня. Русские благодаря своей исторической судьбе вобрали и своеобразно преломили в себе, будучи европейцами, тысячелетний опыт Востока. Идеолог евразийцев П. Савицкий писал: «Россия есть не только народ, могущий приобщиться или разобщиться с Европой, но представительница и носительница духа некоего мира, более широкого, чем она сама. Ведь приобщение России к внеевропейскому миру дало русскому народу качество быть не только и даже не столько европейским, сколько азиатским народом». В этом евразийцы видели истоки особого и своеобразного исторического пути России.

Россия — и Европа, и Азия, она объединила вокруг себя многие народы. Какова же эта объединяющая сила? Это не имперская идея и не экономические связи, наверное, и не идеологические. А что же тогда объединяет? Мне кажется — общность исторических судеб русского и других находящихся рядом, развивающихся и самоопределяющихся народов. И еще — вот на каком моменте я хотел бы заострить внимание. Британское содружество наций. Мы говорим, что страны Азии освободились от колониального рабства. Конечно, они освободились, но не ушли из этого содружества. Никто их не удерживает, но английская королева и Великобритания являются для них символом чего-то великого, единого, собирающего. И все они — бывшие колонии — члены Британского содружества наций. Что объединяет их всех? Не идеи колониализма, а идеи просветительской миссии англичан, именно в этом заключается некий интегрирующий момент. Ведь европейцы не только колонизовали и эксплуатировали их, но и просвещали, приобщали к своей цивилизации. Это, как правило, ускользало от внимания. Колонизаторов только критиковали, разоблачали, клеймили, забывая, что Европа несла колониальным народам и культуру, и цивилизацию, освобождала их от самоизоляции.

«ОНС» Сейчас в нашем обществе идет не только активный процесс самоопределения народов СССР, но и, если так можно выразиться, процесс суверенизации гуманитарных наук. Они утрачивают присущую им ранее идеологическую монотонность и взамен приобретают национальное своеобразие, специфические черты. Как вы к этому относитесь?

Е. Ч. Я придерживаюсь другой точки зрения и считаю, что наука экстерриториальна. Я об этом много раз говорил. Наверное, мысль эта не всем придется по вкусу, но истина дороже. В России больше двухсот лет существовала Российская академия наук. Сталин в 30-е годы, для того чтобы подчеркнуть расцвет наций и продемонстрировать решение нацио-

цельного вопроса, разделил единую Российскую академию наук между союзными республиками. Между тем, во многих из них не было еще соответствующих условий для полноценного развития науки, а Российская академия распалась, что, конечно, не могло не сказаться на эффективности нашей науки. Поэтому я подчеркиваю, что наука экстерриториальна, сепаратизма, самоизоляции в науке не должно быть. Мы с академиком-секретарем Отделения общей биологии В. Соколовым провели недавно заседание Советского комитета по сохранению природного и культурного наследия, созданного при Президиуме АН СССР, в котором приняли участие представители почти из всех союзных республик. Политиканство, парад суверенитетов для науки не имеют значения. Наука едина, взаимодополняема, взаимосвязана. И ученые сотрудничают здесь в едином коллективе. Это мне хотелось бы подчеркнуть особо. Во всем мире происходят интеграционные процессы в науке.

«ОНС» Сейчас разворачивается работа по созданию Академии наук РСФСР. Но ведь Академия наук СССР и по составу, и по решаемым проблемам является, по существу, Российской академией. Да и Дальневосточный, Сибирский, Уральский центры — фактически целые академии. Академик А. Яншин в статье, публикуемой в этом же номере, приводит эпизод: когда в Узбекистане попытались создать Институт водных и экологических проблем Аральского моря под эгидой АН СССР, то это встретило противодействие со стороны республиканских властей именно потому, что в республике есть своя национальная академия. Так целесообразно ли создание Российской академии?

Е. Ч. Никто серьезно пока не задумался над вопросом об эффективности и научной целесообразности расчленения единой Академии России. Принесло это пользу или вред нашей науке? Вернуться к прошлому вряд ли сегодня возможно...

Те, кто занят восстановлением суверенитета Российской Федерации, естественно, задаются вопросом о том, что раз существуют республиканские академии, то почему же самая большая наша республика должна быть обделена в этом отношении. По логике вещей они правы. Все дело в том, в каком виде она должна быть создана и как будет функционировать. Следует исходить из реального факта существования Академии наук СССР со всеми ее институтами, филиалами и центрами, расположенными на территории РСФСР, между которыми сложились традиционные связи и взаимодействие. Вряд ли целесообразно их нарушать. Ни к чему хорошему такое нарушение привести не может. На мой взгляд, Академия наук РСФСР должна дополнять, углублять исследования, ведущиеся в интересах Российской Федерации, работать в тесном контакте и взаимодействии с Академией наук СССР, а последняя должна способствовать ее созданию и разворачиванию ее деятельности. Упаси Бог допустить нам здесь какую-то конфронтацию. Мы сыты ею по горло.

Между тем симптомы такого рода конфронтации имели место при обсуждениях этой сложной проблемы, в которых мне приходилось участвовать. Думается, нам удастся их преодолеть. 25 марта 1991 г. было принято Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «Об организационном комитете и практических мерах по созданию Российской академии наук». Этим постановлением утвержден «Организационный комитет по разработке проекта Устава и принципов формирования первоначального состава Российской академии наук». Президентом-организатором ее назначен действительный член АН СССР Ю. Осипов. В состав Организационного комитета включено 32 человека, среди которых 14 членов и членов-корреспондентов АН СССР. Вместе с Д. Лихачевым от

АН СССР мы представляем в этом комитете гуманитарные науки. Созданию комитета предшествовала большая подготовительная работа, что является залогом его успешной деятельности.

Хотелось бы в связи с этим заметить, что за последнее время у нас создано около двух десятков различного рода научных сообществ, которые именуют себя академиями. В одно из таких сообществ — Российскую академию естественных наук — вместе с моими коллегами академиками Н. Толстым, В. Топоровым и членом-корреспондентом С. Аверинцевым избрали и меня. В виде шутки я сказал, что нас избрали в Академию естественных наук «противоестественно»: во-первых, не спросили нашего согласия и, во-вторых, не обратили внимания на то, что мы не являемся учеными-естественниками. Но когда мы пришли на первое заседание, то увидели, что собралась группа серьезных ученых, поставивших перед собой конкретную и важную задачу — создать энциклопедию России. Этим должна заниматься во вновь созданной академии ее гуманитарная секция. Но я бы не стал называть такого рода сообщества ученых академиями. Не является ли это девальвацией вполне определенного термина? Все эти сообщества ученых, на мой взгляд, правильнее было бы называть научными ассоциациями. Кстати, Верховным Советом РСФСР принято постановление о юридической неформальности всех этих сообществ. Поэтому им не рекомендовали использовать российскую символику и именоваться российскими академиями.

«ОНО Вас, гуманитария, избрали членом Российской академии естественных наук, и вы считаете это «противоестественным». А как вы относитесь к делению наук на общественные и гуманитарные?»

Е. Ч. Об этом много говорили и говорят. До недавнего времени к общественным наукам у нас относили все, в том числе и психологию, и языковедение, и литературоведение, и т. д. Теперь наметилась тенденция разделения на науки общественные и гуманитарные. Наверное, к общественным наукам следует относить прежде всего экономику, социологию, политологию, юриспруденцию, т. е. науки, как правило, обращенные к макропроцессам, связанным с общими процессами развития социальной науки; к гуманитарным — психологию, литературоведение, языковедение, искусствоведение, может быть, философию, т. е. науки, ориентированные на человека.

«ОНС» А историю к чему относить? Ведь говорят же, что история — это политика, опрокинутая в прошлое; с другой стороны, что, как не история, учит гуманности?»

Е. Ч. Историю — в зависимости от того, чем и как она занимается. Но все это очень условно. Если занимаются историей, как занимались Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский и т. д., то это гуманитарная наука. Если же, как И. Минц, который извратил историю революции, гражданской войны, то я бы постыдился называть такую историю гуманитарной наукой, и вообще наукой. История человека, которой занимались наши великие отечественные историки, — это гуманитарная наука.

Я считаю, что между общественными и гуманитарными науками есть разница. Гуманитарные науки это те, в основе которых — изучение человека во всех его ипостасях: его психологии, языка, духовной и художественной деятельности. Но разделение это, на мой взгляд, все же является условным. Науки взаимно проникают, взаимодействуют друг с другом, некоторые направления наук могут быть отнесены как к гуманитарным, так и к общественным.

«ОНС» К бесспорно гуманитарным наукам относятся искусствознание, киноведение, литературоведение, т. е. то, что связано с творческой личностью, с ее эстетическим самовыражением. Мы в своем журнале пытаемся включить эти науки в круг наших интересов, но испытываем при этом некоторый дискомфорт. Хотя мы стараемся каждый раз культурологически укрупнить проблему и, конечно, с учетом того, что журнал наш является междисциплинарным, но все равно постоянно возникает сомнение, наша ли это епархия, ведь есть специализированные издания?

Е. Ч. Я думаю, что вам в журнале сейчас надо обращаться к незаезженным проблемам. И даже, казалось бы, уже исследованные темы надо стремиться подать в таком аспекте, в таком неожиданном ракурсе, чтобы это высветило какие-то дополнительные их стороны.

«ОНС» Сегодня много говорят и пишут о кризисе культуры. Какими вам видятся пути его преодоления? И еще: как вы считаете, повлияли ли на состояние гуманитарных наук политические катаклизмы времен перестройки? Что делать сейчас гуманитариям? Может быть, им заниматься сугубо «своим» делом и держаться в стороне от злободневных проблем?

Е. Ч. О возможных путях преодоления кризиса культуры сейчас много размышляют; идут острые дискуссии, порой с перехлестами, крайностями, в ходе которых поиски истины отступают зачастую на задний план. В этих спорах инициативу чаще всего перехватывают хорошо владеющие пером публицисты и критики. Именно они создают у нас общественное мнение, которое, к сожалению, не всегда основывается на объективном анализе ситуации. В то же время благодаря их инициативе проблемы культуры приобрели у нас сегодня большое общественно-политическое звучание.

А как же ученые? Прежде всего я хочу сказать, что ученые никогда не должны становиться заложниками политических игр. Часто ученых пытаются использовать в своих целях политики, а иногда и политиканы. Амбиции, групповые интересы нередко превалируют над чисто научными, принципиальными спорами; при противопоставлении научных точек зрения берется в расчет не объективная необходимость, а субъективные интересы. Нас много раз заставляли подлаживаться и превращать свою науку в служанку различных политических амбиций. Мне представляется, что ученые в любой ситуации должны сохранять свою объективность, научный профессионализм и не поддаваться политическим конъюнктурным веяниям. Хотя подчас это бывает очень трудно.

Конечно, быть над схваткой мы не можем. Мы все — члены общества. И иногда тоже поддаемся эмоциям. Сколько раз приходилось видеть на заседаниях Президиума Академии, как буквально «выламывали руки», заставляя подписывать различные документы (о ленинградской дамбе, о канале Волга-Чограй и др.) в интересах какого-либо ведомства, чтобы подкрепить политическое решение авторитетом Академии наук. Вот это и значит становиться заложниками политики. Это в области технических наук. Но и в гуманитарных науках мы можем вспомнить много таких случаев. Например, как воплощалось на практике указание создать в Институте истории СССР сектор развитого социализма, или сектор социалистического реализма в Институте мировой литературы, или принималось решение провести конференцию с заранее заданным результатом...

Что же касается деполитизации и деидеологизации гуманитарных наук, то я думаю, гуманитарные науки не могут полностью освободиться от политики и идеологии. Они всегда выражают чьи-то интересы (даже в древнегреческой литературе это наблюдалось). Но это следует делать не конъюнктурно, не спекулятивно, они должны выражать *существующие идеи*, а не навязанные извне. А мы часто изучали то, чего нет. Это страшное явление.

© Л. Круминг, Е. Чельшев, 1991